

Мамлеев Юрий
(писатель)

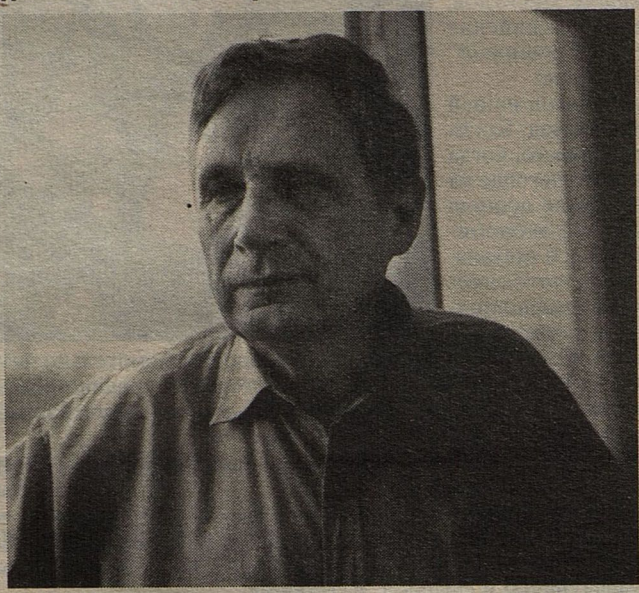
Москва: прием к. Водосветовым и др. -
т. 2001 - июль (~28) - с. 20

20 • TET-A-TET

Юрий Мамлеев: возвращение из самиздата

30 ЛЕТ назад роман Юрия МАМЛЕЕВА "Шатуны" потряс интеллигенцию, имеющую доступ к самиздату. В романе не было ни строчки про политику, но обычная реальность представлялась в виде невероятно мрачного мистического ада. Подобный стиль менее всего соответствовал нормам социалистической морали, и на родине писателя не печатали до 1989-го. В середине 70-х Мамлеев уехал с семьей в США, затем в Париж. В настоящее время писатель живет в Москве. Его книги снова печатаются. Наконец переизданы старые рассказы - набралось на два тома, а совсем недавно появился совершенно новый роман - "Блуждающее время".

- НОВЫЙ роман - форма философско-авантюрная, классика, Достоевский, как раз для России. Очень многое касается феномена времени. Это подход к сдвигу во времени не как к литературному приему, а именно как к реальному событию. Там вся наша эпоха 90-х, все эти порывы интеллигенции, неожиданные круги поисков. Москва, где происходит действие, - поразительный город. Аналога ему нет в мире. И вопрос не в том, красив или некрасив, он может быть и ужасен в своей огромности. Но когда общаешься с людьми, создается необыкновенное чувство и напряжение, которого нет ни в одной столице мира. Ощущение, что что-то внезапно случится. Ощущение какого-то метафизического напряжения. Многие европейцы слетаются на это ощущение.

кой книги, и ситуация человека необычайна. Никто не читает Данте сейчас в Италии, а "Рай" и в XIX веке уже никто не читал - скучно, скучно. Если бы я написал, как цветут цветочки, как хорошо, это был бы идиотизм.

- Изрядный.

- Но та тюрьма, которую видели Кафка, самые великие отцы западной философии, - это лишь потому, что они не могли видеть дальше.

- Почему же они были так плохо информированы?

- Это вопрос интуиции.

- Ваши книги переводятся на многие языки. Тиражи на Западе выше, чем в России?

- Нет, что вы. На Западе серьезная литература не выходит большими тиражами, даже для местного автора 10 тысяч - большой успех.

- Насколько вы вернулись в Россию, насколько остались во Франции?

- Фактически мы все еще живем и там и там, но литературная жизнь, конечно, бьется в России. Почти все писатели, отправленные когда-то в эмиграцию, как-то здесь обосновались. Здесь язык, здесь читатели, здесь родные люди.

- Как вы думаете, цензура может вернуться в Россию?

- Исключено. По очень простой причине - такой деспотизм в сфере культуры в конце концов оборачивается против самого государства - по совершенно очевидным причинам. Интеллигенция отворачивается, уезжает, растет и передается отчуждение...

- А разве не стоит кое-что в современной культуре запретить?

- Но это уже саморегуляция общества. Это есть везде - политическая корректность; но это не касается художественной литературы, культуры, искусства, ограничена скорее массовая пропаганда. Массовое сознание не защищено, им легко манипулировать. Если рекламировать массовое детоубийство, неизвестно, чем кончится. Но это не касается высокой культуры. Даже самые мрачные шедевры, Босх тот же, они всегда несут в себе катарсис, очищение, познание. В новом романе я попытался совершить какой-то прорыв. Прорыв сквозь отчаяние, пропитавшее современный мир. Западная литература - а Запад считает себя представителем всего человечества - сейчас попала в тюрьму. Герои Камю, Сартра и прочей западной литературы мечутся в клетке между жизнью и смертью. Я попытался преодолеть этот момент - не введением иллюзорного света, как у Гоголя: его попытка изобразить живые души вместо мертвых окончилась неудачей. Нельзя ввести свет, если его нет. Я пошел другим путем - расширил в романе рамки реальности. Эта тюрьма, в которой воображают человека, оказывается маленькой клеточкой, откуда сравнительно легко выбраться. Мир - грандиозная бесконечная драма, фантастическое, непрерывное, мистическое творение. Мы участники вели-

кой книги, и ситуация человека необычайна. Никто не читает Данте сейчас в Италии, а "Рай" и в XIX веке уже никто не читал - скучно, скучно. Если бы я написал, как цветут цветочки, как хорошо, это был бы идиотизм.

- Вы много пишете?

- Я пишу нерегулярно.

- Перерывы?

- Да, перерывы, которые заполняются другими делами. Я преподавал в университете, потом поэзия. А сейчас я также связан с молодыми писателями из секции метафизического реализма. Для меня это очень интересно. Для меня очень важен контакт с поколением, которое будет творить русскую литературу в XXI веке. Они тянутся ко мне, и я тянусь к ним.

- Считается, что писатели конца XX века тоже находились под большим вашим влиянием: Пелевин, Сорокин.

- Да, говорят...

- Готовы признать последователей?

- Раз говорят, согласен. Но дело в том, что это влияние каждый писатель преобразует самобытно, по-своему. Здесь идет работа и в своем ключе.

- Из них вам кто-то интересен?

- Как писателю мне интересны все новые течения.

- Их увязывают с "горьким" слоем культуры, с наркотическим. И ваши книги тоже.

- Я лично против этого. Не то чтобы сам никогда не использовал. Как русский человек, злоупотреблял водочкой. Это давало определенную защиту от негатива. Давало какой-то прилив сил и особую окраску жизни, может, даже мистическую.

- Ваш круг в 60-е был знаком с наркотиками?

- Нет, мало... почти никто. Это не было модно. Пили, конечно, все, как всегда в России.

- Политикой не интересуетесь?

- Писатель должен стоять над политикой, быть в стороне. Конечно, он кому-то симпатизирует, кому-то нет, это понятно. Но это как человек. Как писатель - должен стоять вне.

Дмитрий ВЕБЕР
Фото автора

37